

Эльдар РЯЗАНОВ:

Я не знаю, в какой стране живу, но кино снимаю русское

Отыскать Эльдара Рязанова в заснеженных дебрях «Мосфильма» нам удалось с трудом — в одном из тональных процессов озвучивания его новой картины.

— Идемте, у меня тут две специальные скамейки для интервью, — проворчал не слишком довольный режиссер, которого оторвали от дела, и повел нас по коридору.

Однако вместо двух скамеек в «мосфильмовской» куртке оказалась одна. «Еще и кожу с нее содрали, ужас!» — возмутился Эльдар Александрович. Даже у «Мосфильма» нет иммунитета перед экономическим кризисом. То, что происходит с нашим кинематографом, вполне созвучно тому, что произошло с этими уютными скамейками.

И все же мы пришли к человеку, чей фильм «Небеса обетованные» — абсолютно не коммерческий и, даже страшно сказать, не эротический — получил пять призов гусмановской «Ники».

— Говорят, «Небеса обетованные» получили приз в Мадриде как лучший фантастический фильм. А сами вы его каким считаете?

— Когда я делал картину, думал, это будет притча о бедных людях, об узкой прослойке нашего общества. Но жизнь пошла «навстречу» и картина оказалась не о группе людей, а почти обо всем народе. Фильм был совершенно не политический, но в нем удалось предсказать какие-то события, которые потом произошли: и на Вильнюсской телебашне, и переход армии на сторону народа во время путча — то, что тогда казалось невероятным. Когда мне говорили: «Как? Полковник перейдет на сторону народа?! — рязановские сказки». Какое-то такое случайное предсказание...

Новый рязановский фильм так и называется — «Предсказание». Читатели «Юности» наверняка запомнили эту коротенькую повесть, вышедшую в прошлом году. В предисловии к ней Рязанов делает «страшное» признание: рукопись, дескать, не его и попала к нему случайно при мистических обстоятельствах. В нашей литературе мистификация — жанр довольно традиционный, он позволяет автору абстрагироваться от личности рассказчика и создает аромат тайны вокруг произведения.

Герой «Предсказания» —

старейший писатель Олег Горюнов, на которого внезапно обрушиваются невероятные приключения: таинственное пророчество цыганки, появление собственного двойника (опять традиция русской литературы), неожиданная любовь...

Похоже, этому фильму тоже трудно будет найти определение — фантастика или жестокая наша реальность, в которой три раза за сутки писатель Горюнов умудряется увильнуть в собственном дворе от пули убийц, в котором герой вместе с любимой женщиной ищет приюта на ночь, возможно, последнюю в его жизни, и обнаруживает на собственной даче «бомжа» — уголовника, прикончившего все запасы съестного да еще уютно расположившегося в постели хозяйки.

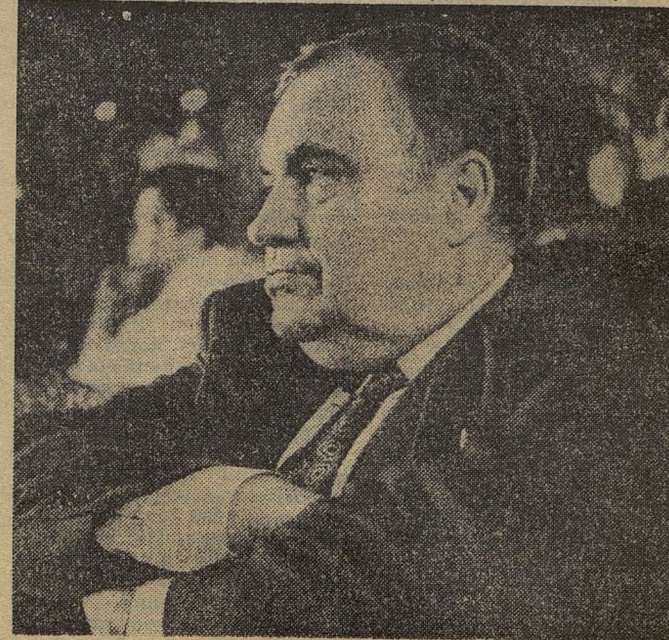
— Судя по названию фильма, вы любите пророчества. В свое время «Забытую мелодию для флейты» тоже называли предсказанием...

— Ну нет, «Флейта» не предсказание. Понимаете, когда я делал эту картину, я все думал — ой, елки, опоздал! Опоздала! Боже мой, дело идет вперед, прогрессивное общество строится, а я делаю картину о каком-то чиновнике, который как бы микрирует и продолжает оставаться тем же, просто говорит другие слова. Но выяснилось, что бюрократия бессмертна! И в этом смысле картина тоже не устаревает, воп сколько сейчас демократов, которые раньше были коммунистами, и опять идет переживание из пустого в порожнее.

По признанию самого Рязанова, в новом фильме он не собирался делать каких-то общественно-политических предсказаний. И все же в повести чутье предсказателя не изменило ему: в одном эпизоде во время выпуска теленовостей говорится об артиллерийской перестрелке между грузинами и абхазами — напомним, что повесть датируется 1990 годом. В другом эпизоде автор чуть-чуть не попадает в «десятку»: его герой мечтает о разрушении здания за памятником «железному Феликсу». В реальной жизни вышло наоборот — исбедившись в августе с радостью отыгрались на каменных истуканах, но сохранили цитадель.

— В свое время рязановские фильмы сформировали особый микроклимат семидесятых. Не возникает ли у вас

Комм. правда. — 1993 — 22 янв.

ностальгии по тем временам, нет ли у вас желания в одной из работ вернуться к тому периоду?

— Нет, у меня такого желания не возникает. Я ведь в основном делал современные картины. Иногда я уходил в очень далекую историю типа «Гусарской баллады», или «Жестокого романса», или «О бедном гусаре замолвите слово»... Были фильмы, которые на материале историческом рассказывают о сегодняшнем дне, потому что это было невозможно. Тут никакой эзопов язык не помог бы... «Бесприданница», я имею в виду «Жестокое романс», была картина абсолютно современная; мы собладили все аксесуары, костюмы, декорации — все это было, как у Островского. Но одновременно играли ее современно, потому что вся эта история абсолютно ложилась на наши дни.

— А вы сталкивались когда-нибудь с этим ведомством?

— Нет, но я же в то время жил, я про то время все это и сделал... Так что желания возвращаться никакого.

— Говорят, в «Иронии судьбы» были какие-нибудь эпизоды, вырезанные цензурой, которые мы там и не увидели?

— Нет. Она просто не могла пойти в кинематографе, а на телевидении... Это вообще была невероятная история. Я ее снял, потом она долго ле-

жала. В Софрине был семинар секретарей парткомов со всей страны. И им послали «Иронию», специально, как бы на них проверить. «Нет! — хором закричали они. — Нельзя — это пропаганда пьянства...»

— У «Ирони», пожалуй, была самая счастливая судьба — ее посмотрели в новогоднюю ночь миллионы...

— Почти у всех моих фильмов была счастливая судьба, я не жалею. У меня была огромная зрительская аудитория. С «Иронией» был эффект одномоментности — ее действительно сразу посмотрело много миллионов. Это был, как удар. Ни одну картину сразу так не могут увидеть... У меня в Китае был самый страшный случай: показали три мои картины, и тоже в хорошее время, но там сразу смотрят 500 миллионов. На следующий день все говорили — вот это тот самый режиссер, который...

— Вы говорили, что главную роль в картине у вас играет французская актриса. Кто она, и почему вы ее пригласили? Ведь по сценарию она не должна быть французской...

— Когда я решил все-таки делать «Предсказание» — сначала отдал повесть молодому режиссеру, он не смог, и я понял, что если я ее не сниму, то никто ее не снимет. В Париже у меня была ретроспектива картин, и я спросил,

нельзя ли пригласить актрису Ирен Жакоб на ретроспективу. Оказалось, что можно, что она придет с удовольствием — ей понравились очень «Небеса обетованные». Она сказала: «Буду у вас сниматься, даже не читая сценария». Я думал, что все это слова, но она пришла на второй фильм, на третий... Я дал ей сценарий, ей очень понравилось.

— А как же вы оплачиваете ей съемки?

— Для этого и была создана французская фирма, они оплачивают и ее, и съемки, и пленку — дают те деньги, которых нам не хватало... Они платят нам деньги на одну восьмую того, что стоит французская картина. Если же эти деньги перевести и конвертировать в наши условия, то получается, что девять десятых платят они. А мы одну десятую. И у них права. Кроме СНГ, правда. Здесь правами владеет «Мосфильм». Но я доволен этим, потому что они хоть как-то это поддают, отрекламируют, прокатают. И там хоть кто-то это увидит.

— Пленка их, права — тоже. Фильм-то хоть наш получится?

— Я никогда в жизни не делал фильма в расчете на заграницу. И сейчас тоже не делаю, но я иногда думаю: ага, это у них-то точно пойдет, а у нас еще неизвестно. И все же кино я делаю русское.

— В свое время расцвет Голливуда выпал на период депрессии, тогда начала развиваться кинокомедия. У нас ведь тот же период...

— Как можно сравнивать их депрессию с нашим кризисом? У нас до сих пор непонятно, какой строй. У них был капитализм и все его пороки. А у нас не можем уйти от социализма и прийти к капитализму. Я вообще не понимаю, в какой стране я живу, какой сегодня политический строй.

— И все-таки, будет ренессанс комедии?

— Я же не министр культуры, я — частное лицо. Откуда мне знать, что сейчас делает Гайдай, Данелия или еще кто?

— В каком амбула вы себя чувствуете комфортнее — телеведущего или кинорежиссера?

— Я и ту, и другую работу люблю. На фильм уходит два года — в лучшем случае. А на телепередачу — два месяца, в худшем случае. Это как спринтерские и стайерские

дистанции. Тут разница есть. Я — пролетарская пушка, которая стреляет и туда, и сюда.

— Есть ли сейчас человек, у которого вы бы хотели взять интервью? Если пофантазировать, у любого человека — из прошлого, настоящего, будущего — хоть у Моцарта...

— Ну, если из прошлого, я бы начал с Александра Сергеевича Пушкина. Понимаете, во-первых, мы бы с ним на одном языке говорили — я имею в виду русский. Есть и какие-то реальные персонажи, с которыми мне хотелось бы поговорить. Они, правда, не в этой стране живут...

— Кто, например?

— Не скажу! Еще украдут идею... С Пушкиным проще — тут я не боюсь конкуренции.

— Кстати, вы продолжаете писать стихи?

— Сейчас почти нет. Вышла два года назад одна книжечка в библиотеке «Огонька». Сейчас слишком много работы. Когда я работаю, то реже пишу. Как-то я был в Боткинской больнице и совершенно свободен, там я писал каждый день, иногда по два стихотворения в день. Я лежал в больнице осенью и потом скромно назвал цикл «Боткинская осень». Для стихов, наверное, какая-то общественная потребность нужна. Сейчас стихи в журналах читают только сами поэты.

— Фильмы вы снимаете те, которые должны быть востребованы. Стихи у вас не идут потому, что поэзия не востребована. Это что, внутренняя рыночная экономика?

— Нет, с точки зрения внутренней рыночной экономики кино делать не надо. Я даже не деньги имею в виду. Мы делаем фильмы, зная, что их никто не увидит. Какая уж тут рыночная экономика! Какие-то деньги за это заплатят, чтобы мы с голоду не подохли. Не больше... Но дело в том, что я всю жизнь делал фильмы для людей, и каждый мой фильм смотрело от 30 до 60 миллионов зрителей.

— Но «Небеса»-то посмотрели и смотрят до сих пор...

— Ну что вы, о чем вы говорите! Каждый второй человек меня спрашивает: «Когда выйдет ваш фильм?» А этот фильм я вообще не знаю — увидит кто-нибудь или нет. Французы-то увидят, но они для меня люди чужие...

Л. ТЕРЕНТЬЕВА,
С. ФРОЛОВ.

Фото Э. ЖИГАЙЛОВА.